

История философии

62. Уайтхед и процессуальная теология.

Доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Все получили инструкции по написанию рецензий на книги к концу семестра? Я уже в третий раз их рассылаю, а это значит, что вы пропустили их дважды. Так, кто ещё был? Кто-нибудь здесь? Хорошо. Ладно, сегодня вернёмся к Уайтхеду.

И я хочу сосредоточиться, в частности, на концепции Бога у Уайтхеда. Но для этого нам необходимо понимать его общую философскую схему, особенно его метафизику. Потому что, я полагаю, само собой разумеется, что то, как человек представляет себе Бога и Его отношения к природе, действительно будет зависеть от метафизической схемы, концепция Бога в этом смысле зависит от системы.

Да, концепция Бога зависит от системы, потому что то, как вы представляете Бога в отношении к природе, зависит от того, как вы представляете природу, это совершенно очевидно. А в прошлый раз мы представляли Уайтхеда. И я подчеркивал тот факт, что для Уайтхеда основными составляющими всей реальности являются не субстанции с неизменной, постоянной идентичностью, а события.

События могут быть очень кратковременными, например, длиться одну пятидесятую секунды. Одна пятидесятая секунды — это довольно мало. Он склонен называть такие крошечные события настоящими моментами.

Слово «событие», а иногда и слово «сущность», фактически «сущности», используется для обозначения событий большего масштаба. Но независимо от того, говорите ли вы о микрособытиях или о более масштабных, таких как этот урок, ваше обучение в колледже или история Соединенных Штатов, каждое из них — это событие разного размера и продолжительности. Независимо от того, о каком событии идет речь, все события можно описать с помощью трех составляющих элементов, трех факторов.

Как мы указывали в прошлый раз, эти три фактора представляют собой объективные данные, которые, по сути, сводятся к причинам, эффективным причинам, если хотите, объективным данным, вечным возможностям и решению. И я повторяю это просто потому, что это очень важно понимать. Итак, если вы представляете себе развивающийся процесс, что инициирует новое событие? Новое событие инициируется пересечением двух процессов.

Таким образом, объективные данные второго процесса пересекаются с существующим положением дел в первом процессе. В этой точке пересечения

находятся объективные данные, которые могут повлиять на результат. Вы говорите, что это причинно-следственный механизм.

Да. И поскольку базовой моделью для всех этих постсовременных вещей является человеческое сознание, то в человеческом сознании, как мы бы сказали, мы познаём объективные данные посредством того, что он называет физическим восприятием. Восприятие, конечно, это термин Лейбница.

Это сокращённая версия понятия «восприятие» или, если хотите, «понимание». Но «понять» что-либо — это просто принять это, осознать это, чтобы это повлияло на вас. Он указывает, что может быть позитивное и негативное восприятие.

Позитивное восприятие, когда вы, да, вы принимаете влияние и поглощаете его. Негативное восприятие, когда вы просто отвергаете его, игнорируете или отворачиваетесь от него. Вы сами увидите.

Но новое событие, в силу объективных данных, которые воспринимаются физически, представляет собой аффективный вид опыта, а не познавательный опыт. Поэтому он критикует репрезентативные теории знания таких мыслителей, как Декарт, Локк, Беркли и Кант, утверждая, что они отдают приоритет познавательному, приоритету понятия, идее. Что первым иницирующим фактором в перцептивном опыте, в перцептивном событии, является не идея, а причинный стимул.

Речь идёт об аффективном, а не когнитивном аспекте. И этот перцептивный опыт является парадигмой для всех событий всех других типов. Так что даже у бессознательных существ существует низкоуровневый эквивалент физического хватания.

А именно, механизм причинно-следственной связи. Вы увидите. Итак, физическое хватание.

Вечные возможности — это просто абстрактные, логические возможности, которые, если хотите, реализуются благодаря объективным данным. Каков будет эффект этих объективных данных, этого нового опыта? Ну, это может быть по-разному, альтернативные варианты развития событий. Вы увидите.

И эти вечные возможности в сознательном опыте, конечно же, являются идеями, которые постигаются посредством того, что он называет концептуальным восприятием. Что, очевидно, является познавательным процессом. Таким образом, идея не является первостепенной, как это было для Декарта, Локка и Канта, как если бы в опыте вас просто бомбардировали идеями.

Нет, Юм был более точен. Его стиль сильный и живой. И идеи следуют за ним.

В первую очередь это аффективный аспект, а не когнитивный. Таким образом, перед вами открываются вечные возможности. Он признает, что если это логические возможности, то это своего рода объективные логические возможности.

Иными словами, в самой природе вещей существуют эти логические возможности. Мы их не изобретаем. Мы не изобретаем возможности.

Мы можем воплощать возможности в жизнь, но не изобретаем их. Мы можем осознавать возможности, но не создаём их. В этом смысле возможности существуют, знаем мы об этом или нет.

Это объективные возможности. И поэтому, особенно в его поздних работах, он называет их вечными объектами. Это означает, что они являются объектами мысли, подобно тому как идеи являются объектами для Локка.

Это объекты мышления. Объективные возможности, которые вы осознаёте. И тогда, в ответ на этот причинно-следственный стимул объективных данных, возникают всевозможные возможности, которые в сознательных процессах мы осознаём, а в бессознательных процессах всё ещё существуют.

Эти возможности всё ещё существуют, независимо от того, знает ли кто-нибудь, что это такое, или нет. И из этих возможностей будущее определяется тем, что он называет решением. В человеческом сознании это часто осознанное решение.

Вот что я собираюсь сделать с новым Гивенсом. Сознательное решение. Но даже в бессознательных процессах, биологических, физических и так далее, существует точка отсечения, избирательность.

Там, где не все возможности могут быть реализованы, некоторые становятся реальностью в естественном ходе событий. Именно это решение и придает ему то, что он называет субъективной целью. Потому что в процессе принятия решения избирательная возможность становится целью, к которой вы стремитесь.

Именно к этому вы и будете стремиться. Вы воплотите эту возможность в жизнь. Понимаете?

Итак, первоначальная субъективная цель — это та, которая определяется естественным причинно-следственным процессом. Допустим, учитывая эти

данные , результат ... И в любом определенном процессе первоначальная субъективная цель — это просто субъективная цель этого нового события.

Субъективно в том смысле, что это становится некой неотъемлемой целью нового события в силу новых данных, которые в него были включены. Это неотъемлемая часть. Обратите внимание, что у него телеологическое объяснение всего.

Телеологическое объяснение. Это не механистическая вселенная. Это телеологическая вселенная.

В случае с существами, обладающими сознанием, эта первоначальная субъективная цель может превратиться в модифицированную субъективную цель. Модифицированную субъективную цель. Таким образом, вы можете противостоять воздействию чего-либо на вас и обрабатывать новую информацию каким-то другим способом.

И, конечно же, даже ваша собака сопротивляется вашему зову, вашему свистку , и порой бросается в погоню за соседской кошкой. Первоначальная субъективная цель превращается в модифицированную субъективную цель, когда собака чувствует запах кошки. Мне всегда казалось, что собаки сначала чувствуют запах, а потом смотрят.

Девиз «Семь раз отмерь, один раз отрежь» очень хорошо подходит к собакам в этом смысле. Некоторые люди, я думаю, сначала думают, а потом думают. Собаки сначала чувствуют запах, а потом смотрят, и так далее.

Но взгляд может придать мероприятию измененную субъективную цель. Таким образом, меняется как первоначальная, так и измененная субъективная цель. Так обстоит дело со всеми событиями.

И, как я уже говорил в прошлый раз, существует постепенность, так что в разной степени это осознанно или бессознательно во всем спектре вещей на небе и на земле. Понятие субъективной цели носит телеологический характер. К чему это ведет? К завершению события.

Понимаете ? И когда реализуется возможность, заложенная в этих новых данных, тогда, хорошо, это завершение события. Это как если бы существовал генетический процесс, попробуйте биологическую метафору. Генетический процесс.

Таким образом, происходит зачатие, не в когнитивном, а в биологическом смысле. Зачатие происходит благодаря причинному стимулу. Происходит зачатие.

Это процесс развития, в ходе которого возможности возникают и отбираются, если хотите, на стадии эмбрионального развития. До момента рождения нового события, когда принимается решение и в зрелом возрасте достигается субъективная цель. А затем, конечно, зрелое событие постепенно затмевает данные.

Понимаете ? Можно представить это как рождение, созревание, смерть, которая порождает рождение, созревание, смерть. Эй, диалектика? Гегель? Да. Тезис, антитезис, синтез.

Видите ? Влияние гегелевской традиции заключается именно в этом всестороннем понимании мирового процесса. Весь мировой процесс – это диалектическое явление. Он имеет диалектическую структуру.

В процессе синтеза объективные данные сохраняются , но превосходят ожидания благодаря новым возможностям, которые они предоставляют. Понимаете ? В процессе синтеза... Завершение события, следовательно, приводит к тому, что он называет удовлетворением.

Удовлетворение. И опять же, обратите внимание, что этот термин заимствован из сознательного перцептивного опыта. Это парадигма.

Понимаете, что я имею в виду под парадигмой? В иностранном языке есть определенные парадигмальные глаголы. Видите ли, если вы хотите узнать, как спрягать глагол, вы возвращаетесь к парадигме. Я знаю, что такое гений, гений.

На французском. И так далее. Понимаете ? Таким образом, сознательный перцептивный опыт является парадигмой.

В сфере восприятия это удовлетворение , возникающее, когда вы редко видите что-либо, но имеете возможность это воспринять. Именно ради этого удовлетворения Уайтхед находит эстетическое удовлетворение. При этом эстетическое изначально понимается под континентальным германским чувственным удовлетворением.

Истанами связано с чувствами; трансцендентальная эстетика Канта связана с чувствами. Но это также эстетика в английском смысле этого слова, эстетическое удовлетворение. Как описать это эстетическое удовлетворение, которое является кульминацией опыта? Дело в том, что всё в этом событии, все эти три элемента, объединяются, чтобы создать единство.

Таким образом, событие представляет собой одно чувство, одно переживание. Обратите внимание, как мы используем термин «переживание» именно в этом

контексте. Это может быть ваша первая дегустация орехового пирога; какое это будет переживание!

Это могут быть четыре года обучения в колледже, опыт обучения в Уитонском колледже. Понимаете? А может быть, в конце какого-то этапа человеческой истории историк оглядывается назад и говорит: вся эта история была целым человеческим опытом. Уникальным, обладающим собственной идентичностью, которая создает ощущение единства.

Понимаете? Это удовлетворение представляет собой упорядоченное единство, гармонию противоположностей. Противоположностей? Да, контрастов реальности и возможности. Интенсивность чувств, связанная с упорядоченной гармонией противоположных составляющих в рамках общего опыта.

Знаете, именно так некоторые люди объясняют, описывают переживание красоты в искусстве. Понимаете? Контрасты гармонично сочетаются в тот финальный момент, когда симфония объединяет всё воедино. Вы когда-нибудь задумывались, как все узнают, когда нужно хлопнуть? Это происходит, когда достигается синтез.

Опыт завершен. И он использует эти эстетические аналогии. И в подобных процессах, в подобных событиях именно благо способствует удовлетворению.

Добро служит инструментом для создания красоты. Это особенно характерно для Уайтхеда. Его этика — утилитарная этика.

Добро — это средство достижения эстетических целей. А зло — это фрагментарное, преходящее противостояние этой гармонии. Либо из-за сопротивления зарождающейся цели с её грандиозным синтезом, либо из-за банальности, которая становится скучной.

Да, скучный роман — плохой роман. Скучная лекция — плохая лекция. А лекция, в которой есть лишние элементы, мешающие развитию сюжета, — плохая.

Но многое из того, что мы называем злом, — это просто конфликт противоположностей, которые должны быть гармонизированы в синтезе. Так, когда Уайтхед говорил о своем сыне, летчике британских войск в Первой мировой войне, в так называемом Королевском летном корпусе, который впоследствии стал Королевскими военно-воздушными силами, его сын был сбит в воздушном бою над окопами во Франции в Первой мировой войне. Когда он говорил об этом, он говорил о том, как его жизнь прекрасно завершилась, слившись с историей. Его проблема зла? Обратите внимание, если хотите, на эволюционный оптимизм и идеализм XIX века.

Итак, вы видите, что эта характеристика события, подобного перцептивному опыту, — это характеристика жизни человека. Это характеристика всей человеческой истории, всей космической истории. Понимаете ? И помните, что его категория высшей, скажем так, высшей объяснительной категории — это творчество.

Как новизна возникает из конфликта противоположностей. Как одно событие порождает другое. Умирая, мы живем.

Итак, если такова природа мирового процесса, творческого процесса, каким он есть на самом деле и каким он его понимает, творческого процесса, мирового процесса, то что это говорит о человеке? Это говорит о том, что человек — это, по сути, то, что Дэвид Юм говорил о личностной идентичности. Помните, что Юм говорил, что личностная идентичность, как мы её понимаем в сознании, — это просто совокупность восприятий. Настоящая память о прошлых переживаниях, эта совокупность восприятий, — это единственная личностная идентичность, которую можно описать.

Конечно, Уайтхед рассматривает эти восприятия в контексте определенного периода времени . Но именно непрерывность переживаний формирует идентичность, так что, глядя на свою фотографию десятилетней давности, вы говорите: «Да, это я». И именно благодаря этой непрерывности вы можете себя с ней отождествлять.

Но человеческое «я», говорит он, — это просто общество событий с объединяющей структурой. Общество событий. Но к чему мы сегодня хотим перейти, так это к Богу? Теперь посмотрите на эти три составляющие всех событий.

Следует помнить, что Бог, по мнению Уайтхеда, не является исключением из этих метафизических обобщений, а служит примером в самом лучшем смысле этого слова. Таким образом, Бог представляется по образу и подобию чувственного опыта.

Или, другими словами, Бога понимают через опыт бытия Богом. Самосознание — это линза, проецируемая на высшее существо. Что это значит? Он говорит, что в природе Бога есть три фазы .

Если хотите, тройственная природа Бога в отношении любого события. Хорошо, вот природа любого события. И в ней три составляющие, существует тройственная природа Бога в отношении тройственной природы события.

Тройственная природа Бога — это всего лишь ещё один пример тройственного события. Понимаете ? Другими словами, существо, которое мы называем Богом, подобно любому другому существу, является событием.

Событие, не имеющее начала и конца. Событие, не имеющее конца.

В этой тройственной природе он говорит о первоначальной природе Бога. О Его первоначальной природе. О Его последующей природе.

И ещё о суперъективной природе. Понятно? К этому моменту вы уже научились не только запоминать значения слов, но и понимать их смысл, когда их видите. А слово «суперъективный» , латинское *уакіо* , — это глагол «бросать», «забрасывать».

Супер, над, на. Да. Так что именно в суперъективной природе Бога Бог, так сказать, что-то даёт природе.

Миру. Но по своей природе Бог получает что-то от мира. Понимаете ? Поэтому нужно начать с изначальной природы Бога, чтобы понять, так сказать, с чего Бог начинает и как событие влияет на Бога, а затем что Бог возвращает этому событию.

Потому что так оно и есть. Понимаете, что вечно — это первозданная природа Бога. Она никогда не меняется.

Это никогда не меняется. Следственная природа, суперъективная природа — они меняются. Но изначальная природа никогда не меняется.

Что такое первозданная природа? Это упорядоченная гармония всех вечных объектов. Вечные объекты — это вечные возможности. Другими словами, он говорит, что Бога нужно рассматривать как совокупность всех логических возможностей.

Теперь представьте это. А затем посмотрите, как это перекликается с прошлым. Для святого Августина *rationes eterne* , эти вечные формы, вечные идеалы, формы Платона, что это такое? Это концептуальные возможности в разуме Бога, архетипы в разуме Бога.

Конечно, именно это Августин почерпнул у александрийских отцов церкви, из традиции Логоса в ранней церкви, которая находилась под сильным влиянием Среднего платонизма. И вы помните, что из трех влияний на мысль Уайтхеда, о которых мы говорили в прошлый раз, третьим были эти александрийские отцы церкви. Таким образом, по сути, Уайтхед подхватывает платоновскую теорию форм, переведенную через Средний платонизм на язык Логоса стоиков,

который христианская церковь приняла и применила к Богу-творцу и воплощенному Логосу, в котором сокрыты все сокровища мудрости и знания, да, все *rationes eterne* , все формы.

Так объясняли его всеведение. Так было в александрийской традиции, у Иустина Мученика, у Августина, у Ансельма, у Фомы Аквинского, во всей средневековой традиции. Но Уайтхед предпочитает возвращаться к александрийцам.

Итак, размышляя о Боге и Его опыте, о собственном опыте Бога, вы должны задуматься о Его размышлениях об этих мыслях, о Его вечной мудрости, о возможностях Его творения. Теперь, по мере того как сама природа, мир и развитие мировой истории происходят, происходят природные события, Бог, Который всепоглощающе переживает, переживает мир. И Он может быть соприкоснут с ощущением того, что происходит в мире.

Бог чувствует, что происходит. Божественное восприятие не должно влиять на Него. Бог чувствует вместе с нами.

Именно такой язык использует Уайтхед. Я скоро вам кое-что прочитаю. Итак, здесь речь идёт о концептуальном постижении возможностей.

Здесь происходит то, что он назвал физическим постижением объективных данных, того, что происходит. Понимаете ? И Бог, переживая в этом самом аффективном смысле то, что происходит в мире, зная при этом всевозможные вечные возможности для концептуальной гармонизации, что он делает? В своей суперъективной природе он предлагает возможности для мирового процесса. Да, именно Бог задает первоначальную субъективную цель.

Бог, не какая-то слепая механистическая сила, а Бог. И, конечно же, в человеческом опыте мы начинаем видеть, что у людей есть свобода сопротивляться воле Бога. Свобода изменять то, что Бог в своей благодати предлагает в качестве цели, предназначения.

Таким образом, изначальная природа Бога соответствует второму компоненту природного события. Последующая природа Бога соответствует первому компоненту природного события. Суперъективная природа Бога соответствует третьему компоненту.

То есть, третье событие, которое затем ведет к будущим событиям. Таким образом, по мере того, как следующее событие, так сказать, движется по цепочке, ужасная метафора, первоначальная природа Бога включает в себя все возможности для этой новой ситуации. Понимаете ? Да, потому что все

возможности включают в себя возможности, которые возникнут в любой новой ситуации.

Таким образом, первобытная природа всегда присутствует, и всё находится в резерве. Я сказал о следующем событии, которое произойдёт в будущем. Конечно, дело не в том, что события обязательно произойдут.

Бип. Осторожно, вот ещё один. Бип.

Нет, это не так. Это скорее похоже на... ну, я полагаю, раз уж я использовал звуки, на какую-то чрезвычайно сложную, но великолепную симфонию. Или, если хотите использовать нити, это скорее на очень сложный телефонный кабель Bell Telephone, на устранение неполадок в котором у них уходит неделя.

Видите ли, события переплетаются с событиями, переплетаются с событиями, и существует множество связей между ними. Но для простоты он анализирует это с точки зрения того, что одно событие ведет к другому. Так какого же Бога это дает? Ну, это Бог, который управляет Вселенной.

Бог, говорит он, — это принцип порядка. Или, используя его терминологию, Бог — это принцип конкретности. Теперь, глядя на это слово «конкретность», вы, вероятно, представляете себе что-то конкретное.

Нет, не надо. Никогда не принимайте его слова за чистую монету, его технические термины. Кажется, для него «конкреция» — это синоним слова «конкреция».

И если вы знаете латынь, а если нет, то всё равно слово «concrecence» означает «срастаться вместе». Cresco — это глагол, означающий «расти, созреть, срастаться». Раньше существовал кулинарный жир, который назывался Cresco.

В наши дни, когда так много внимания уделяется жирам, все они стали жидкими, а не твердыми. Креско — это кулинарный жир, который заставлял пирожные подниматься. Так что конкресирование.

Бог, следовательно, является принципом конкретизации, слияния. Именно Бог поддерживает рост, создавая гармонию симфонии. Обратите внимание, Бог не является инициатором мирового процесса.

Бог не является его создателем. Высшей категорией является творчество. Творчество существовало всегда.

Главный пример — Бог. Но Уайтхед, похоже, считает, что существовали естественные процессы, которые происходили так или иначе, и восходят к

истокам. Видите ли, у Уайтхеда нет оснований полагать, что Бог был первым таким процессом.

Так что, я полагаю, тема лекции «Бог и Большой взрыв», которая будет обсуждаться завтра вечером, будет сильно отличаться для теолога-уайтхеда от традиционного теиста. Он также не думает о Боге ; он не считает его ни первоисточником, ни Богом-терминатором. Наверное, это теперь термин из научной фантастики.

Бог подводит итог. Другими словами, у Него нет эсхатологии. У Него нет эсхатологии.

На этом всё. Вы говорите о телеологии без эсхатологии? Да. Телеология просто тянется и тянется, и тянется, и тянется, и тянется, и тянется.

Таким образом, гармония создается постоянно. И это вечная гармония. Понимаете ? Да.

Это вечная гармония. Поэтому он не считает, что у истории есть какая-то конечная точка, к которой она движется. Бог — это принцип конкретизации, принцип порядка.

Он также называет Бога принципом ограничения. Потому что в силу его суперъективной природы существует лишь ограниченное количество возможностей. Доступны лишь ограниченные возможности.

Таким образом, по мнению Уайтхеда, мировой процесс не собирается самоуничтожаться. Он не мог бы этого сделать, если бы это не входило в его планы. Субъективная природа Бога не предполагает таких возможностей.

Таким образом, вы замечаете, что он делает акцент на творчестве Бога, которое проявляется с любовью и заботой в обеспечении первоначальной субъективной цели в каждом событии, независимо от его масштаба, во всем мировом процессе. В этом смысле Бог тоже является событием, всепоглощающим событием. Понимаете ? Это не пантеизм, это не традиционный теизм в каком-либо смысле, в котором Бог является творцом.

Как мы увидим чуть позже, некоторые теологи, придерживающиеся процессуального подхода, рассматривают его как своего рода пантеизм. Всё происходит внутри опыта, который есть Бог. Но событие, всеобъемлющий опыт, который есть Бог, гораздо больше, чем весь мировой процесс.

Итак, пантеизм. Возможно, у вас возникнет соблазн спросить, как это делает мой друг всякий раз, когда я вспоминаю его рассуждения на эту тему: «Что

такое тот, кто переживает? Что такое тот, кто переживает?» На что Уайтхед отвечает: «Хорошо, в вашем случае, как в случае с воспринимающим, что не является воспринимающим? Что такое человек?» Видите ли, единственное, что мы можем сказать, это то, что человек — это последовательность событий, объединенных единством и гармонией целого. Эта теория памяти о личностной идентичности.

Понимаете ? Потому что это философия процесса, а не философия субстанции. Не ищите субстрат, субстанцию, сущность, вещь, которая думает и чувствует. Нет, не вещь, которая думает и чувствует, а именно мыслящую и чувствующую.

Вот что реально. Так вот как это выглядит. Позвольте мне зачитать вам кое-что из того, что говорит Уайтхед, чтобы вы могли составить о нём впечатление.

Это его главный труд, «Процесс и реальность». А ближе к концу есть раздел о Боге и мире. И вот он.

В великий период становления теистической философии, завершившийся подъемом ислама, после непрерывной коэволюции с цивилизацией, возникли три направления мысли. Знаете, примечательно, как часто он говорит о трех. Эти диалектические триады.

Видите ? Выделяются три направления мысли, которые, среди множества вариаций в деталях, соответственно формируют: во-первых, Бога в образе имперского правителя; во-вторых, Бога как олицетворение моральной энергии; в-третьих, Бога в образе высшего философского принципа.

Итак, что же он задумал? Эти три направления мысли можно связать с божественными Цезарями. Помните, как римские Цезари были обожествлены для римского Сената? Он стал Богом, как говорили об одном из них. Императорский правитель.

Бог, имперский правитель. Вторым олицетворением моральной энергии являются еврейские пророки. Третьим, высшим философским принципом, является Аристотель.

Однако Аристотелю предшествовали индийская и буддийская мысль, и еврейские пророки могут иметь параллели в следах более ранних идей. Мухаммед и божественные Цезари лишь представляют собой наиболее естественную, очевидную, идолопоклонническую теистическую символику всех эпох и мест. История теистической философии демонстрирует различные этапы сочетания этих трех различных способов рассмотрения проблемы.

Однако существует галилейское происхождение христианства. Не Галилео, а Галилея. Хорошо, галилейское происхождение христианства.

Ещё одно предположение, которое плохо согласуется ни с одной из трёх основных линий. Оно не делает акцент на правящем Цезаре, безжалостном моралисте или неподвижном творце. Оно сосредоточено на нежных элементах мира, которые медленно и тихо действуют благодаря любви.

И оно находит смысл в настоящем, в царстве, которое не от мира сего. Оно не смотрит в будущее, но находит свою награду в настоящем. Царствие Божие среди вас.

Каждый упавший воробей виден всем. Волосы на вашей голове сосчитаны. Для некоторых из вас это гораздо более сложная задача, чем для других.

Итак, Бог в таком понимании. И он, видите ли, не поддается влиянию христианской теологии, а оказывается вовлеченным в образ Иисуса, каким он был в определенной либеральной теологической традиции, которая подчеркивала Иисуса как человека любви. В молодости он был очень активен, что объясняется его происхождением.

Итак, давайте посмотрим, 346. Да, мы представляем себе терпение Бога, нежно спасающего смятение промежуточного мира посредством завершения Своей собственной природы. Роль Бога заключается не в борьбе производительной силы с производительной силой, разрушительной силы с разрушительной силой.

Это объясняется тем, что пациент использует подавляющую рациональность своей концептуальной гармонизации. В чём заключается эта подавляющая рациональность его концептуальной гармонизации? В первенстве изначальной природы, которая представляет собой его концептуальную гармонизацию всех возможностей. Следовательно, в его способности объединять всё во благо.

Итак, давайте посмотрим, терпение Божье, да. Восстания разрушительного зла, чисто эгоистичные, отвергаются как нечто тривиальное. И все же добро, которое они достигли в индивидуальной радости и индивидуальном горе, в создании необходимого контраста, спасается благодаря своей связи с завершенным целым.

Образ заключается в нежной заботе о том, чтобы ничто не было потеряно. Бог не создает мир; он спасает его, или, точнее, он — поэт мира, с нежным терпением ведущий его через видение истины, красоты и добра. И творение достигает примирения постоянства и изменчивости, когда достигает своего конечного пункта, своей вечности.

Итак, вот оно что. Он говорит о руководстве, основанном на любви, и в одной из своих книг он много размышляет, даже повторяет одно и то же, о любви, которую он считает Эросом. Это происходит в «Приключениях идей».

Любовь, которую он принимает за Эрос, не за Агапе, а именно за Эрос. Потому что Эрос — это платоновское слово, обозначающее любовь, а что это такое? Любовь к добру, понимаете. Так вот, именно в этой всеобъемлющей любви к добру и действует Бог.

Понимаете, это стремление к добру. И именно оно, исходя из первоначальной цели, данной Богом, из первоначальной субъективной цели, распространяется повсюду. Стремление к добру.

И вы помните, как в средневековой телеологии, видите ли, вся природа имеет свою естественную тенденцию к своему естественному благу. И даже люди, которые ошибочно определяют, что есть благо, всё равно желают добра, даже если они говорят: «Да будет зло моим благом», они всё равно желают этого блага. Видите ли, он пытается таким образом возродить эту телеологию.

Ну что ж, есть какие-нибудь комментарии, вопросы? Вы говорили ранее, что мировой процесс продолжается. Вписывается ли в это Второе Пришествие? Нет, нет. Нет, на самом деле, Воплощение тоже не вписывается.

Видите ли, он говорит об историческом Иисусе, но не о воплощенной Второй Ипостаси Троицы. Таким образом, как у Гегеля, так и у Уайтхеда, христианские богословские понятия — это просто символы. И их не следует воспринимать как концептуально истинные, понимаете.

Помните, у Гегеля заключительная триада представлена абсолютным духом, переходя от искусства к религии и философии. Если религия — это символическое выражение, то именно философия её концептуализирует. Поэтому религиозные рассуждения — это символические рассуждения.

Воплощение, следовательно, символизирует что? Неминуемую любящую деятельность Бога в истории, в природе. На самом деле, несколько лет назад я вел семинар по Уайтхеду и процессуальной теологии, в котором во второй половине семестра, после изучения Уайтхеда, каждый студент отвечал за одного теолога процессуальной теологии XX века. И за то, что этот теолог говорил по определенным ключевым теологическим вопросам.

И я не думаю, что мы нашли хоть одного, кто дал бы какое-либо традиционное толкование Воплощения. Оно всегда носило символический характер. И то же самое относится к другим кардинальным христианским доктринам.

Я не собираюсь говорить, что это невозможно. И я не читала все материалы, которые они читали ; я просила их читать за меня. А это, знаете ли, лучшая причина для проведения семинара.

Поручите другим людям провести ваши исследования. Иногда мне хочется вернуться назад и сделать это самому. Я говорил кому-то, что когда выйду на пенсию, у меня под рукой будет книга Уайтхеда.

Я читаю Уайтхеда, работаю над его трудами с перерывами уже 40 лет. Мне бы хотелось довести это дело до конца. Но одно из моих желаний — это изучить всю ту литературу, которую вы видите.

И посмотрим, есть ли среди них те, кто действительно в этом отношении превосходит Уайтхеда. Возможно. Но в литературе это совершенно не очевидно.

Описывая этого Бога, я задаюсь вопросом, даже в использовании местоимений. Мне кажется, это не совсем уместно. Но, полагаю, нужно вернуться к его собственному определению личности.

Да, вас беспокоит что? Сам термин «Бог»? Его использование? Он? Да, да. Если да, то это хороший вопрос. Означает ли это, что Бог — это на самом деле сознательная и самосознающая масса? Думаю, да.

Но с другой стороны, у вас возникает сомнение. Может ли он использовать это в контексте какого-то влияния? Бога? Вы говорите, что он так говорит, потому что так он говорит обо всем. Парадигма — это сознание.

Нет, я думаю, он имеет в виду сознание . И он, безусловно, так говорил в некоторых вечерних беседах с ним, которые были записаны и расшифрованы после его смерти. Безусловно, он так говорил .

Да. Думаю, мне стоит уточнить один момент. Это может помочь прояснить ситуацию.

В отличие, скажем, от Фомы Аквинского, для Уайтхеда Бог является действенной причиной творения, формальной причиной творения, конечной причиной творения. Верно? Материальной причины нет, потому что творение происходит из ничего. Теперь же мне кажется, что у Уайтхеда Бог является формальной и конечной причиной, но не действенной.

Бог является формальной причиной в том смысле, что его первозданная природа порождает все логические возможности и логический порядок.

Понятно? Он является конечной причиной в силу суперъективной природы , посредством которой он манипулирует событиями. И это его термин — манипулирование.

Я, конечно, не рыбак, но знаю, что такое приманка. Она не пинает рыбу за хвост. Она лишь привлекает рыбу.

Приманка — это конечная причина, а не действенная. Поэтому важен именно путь к успеху, пройденный с помощью приманки, и путь к успеху, пройденный с помощью идеала, в контексте конечной причинно-следственной связи. Таким образом, для Уайтхеда отношения Бога с миром представляют собой формальную и конечную причину, но не действенную.

Это значит, что Бог не действует. Если под действием вы подразумеваете то, что описано в библейской истории, то это могущественные деяния Бога в истории Израиля.

Могущественное деяние Бога в воплощении или во втором пришествии, как вы это называете. Нет, Бог не действует. И я думаю, что основополагающая природа Его метафизики исключает возможность действия Бога.

На самом деле, несколько лет назад я написал статью о Уайтхеде, которую назвал «Почему Бог не может действовать. Почему Бог не может действовать». Она вошла в книгу под названием «Процессная теология», под редакцией Рональда Нэша.

Она есть в библиотеке. И мне кажется, причина, по которой Бог не может действовать, заключается в том, что Бог Уайтхеда по сути является гегелевским Богом. Это Бог, скажем, Шлейермахера, который скорее является основой бытия, чем личностным агентом.

Понимаете? И поэтому , как будто эти категории субъектности в действии не применимы, а применима лишь та основа бытия, на которую вы полагаетесь.

Это основополагающий принцип, косвенно влияющий на природу. И поэтому, как и в либеральной теологии XIX века, у вас нет особого откровения. Всё происходит непосредственно изнутри.

Здесь нет ничего сверхъестественного. Это всё естественный процесс, являющийся результатом божественного творения, заложенного внутри. То же самое и у Уайтхеда.

Итак, если вы знакомы с историей теологии XIX века и шлейермахеровской традицией, романтической традицией, то это Уайтхед. И, как я уже сказал, Уайтхед, похоже, читал Вордсворта так, как будто это была Библия.

Помните ту фразу из прошлого раза? Мне кажется, это романтизированная версия теологии XIX века, которая проявляется в метафизике процесса XX века. Можете ли вы просто взять принцип творчества, который является сущностью всей реальности, и уделить ему немного внимания? Да. Да.

И есть некоторые теологи, придерживающиеся процессуального подхода, которые пытаются это сделать. Некоторые пытаются. И я думаю, что я прав, говоря, что Чарльз Хартшорн, пожалуй, является одним из самых известных мыслителей, занимающихся процессуальным теологическим подходом.

Сам он не находился под влиянием Уайтхеда, но развивался параллельно с ним. И он преподавал в Гарварде в течение нескольких лет, затем в Чикаго, а после выхода на пенсию — в Техасе. Хартшорн так и делал.

Он был убежденным пантеистом, и его можно было бы считать пантеистом, если бы творчество было Богом. Он оказал влияние на многих людей. Возможно, сегодня самым известным теологом-процессистом является Джон Кобб, который, как мне кажется, работает в Клермонтской богословской школе в Калифорнии.

Джон Кобб. Но их много. Сейчас у нас нет времени о них говорить.

Хорошо. В следующий раз я хотел бы, и это будет общая схема, которой мы будем придерживаться при чтении этих книг, прокомментировать его книгу «Наука в современном мире».

Поэтому я настоятельно рекомендую вам прочитать это. Возможно, не настолько, чтобы писать рецензию. Но прочтите, и мы прокомментируем прочитанное, а затем обсудим то, что вас заинтересует.